

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА 'ПОМОЩЬ СОСЕДЯМ' (ПООО - MÙLÍN YŌUHǎO) В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ИЛИ МЯГКАЯ СИЛА?

Медведева Маргарита Геннадьевна

студент, Московский Государственный Лингвистический Университет, РФ, г. Москва

CHINA'S 'NEIGHBORHOOD AID' (ПООО - MÙLÍN YŌUHǎO) INITIATIVE IN CENTRAL ASIA: ECONOMIC COOPERATION OR SOFT POWER?

Margarita Medvedeva

Student, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации китайской внешнеполитической стратегии в Центральной Азии через призму концепции «мягкой силы». В отличие от классической трактовки Джозефа Ная, китайский подход, опирающийся на традиционные принципы «мирного развития» (ПООО) и «взаимной выгоды» (ПООО), делает основную ставку на экономическую дипломатию как ключевой инструмент формирования привлекательности и влияния. Центральным объектом исследования выступает инициатива «добрососедства и дружбы» (ПООО — mùlín yǒuhǎo), рассматриваемая как практическое воплощение стратегии КНР в регионе. В работе разбираются экономические механизмы данной политики — инфраструктурные проекты в рамках BRI, энергетические коридоры, финансовая помощь и цифровизация по линии «Digital Silk Road». Автор приходит к выводу, что для Китая «мягкая сила» является гибридной стратегией, где экономическое сотрудничество служит фундаментом для укрепления политического имиджа и расширения влияния.

Abstract. The article analyzes the implementation of China's foreign policy strategy in Central Asia through the prism of the concept of "soft power". In contrast to the classical interpretation by Joseph Nye, the Chinese approach, based on the traditional principles of "peaceful development" (ПООО) and "mutual benefit" (ПООО), places a major emphasis on economic diplomacy as a key tool for building attractiveness and influence. The central object of the study is the "good-neighborliness and friendship" initiative (ПООО - mùlín yǒuhǎo), considered as a practical embodiment of China's strategy in the region. The work examines the economic mechanisms of this policy - infrastructure projects within the BRI, energy corridors, financial assistance and digitalization along the "Digital Silk Road". The author concludes that for China, soft power is a hybrid strategy, where economic cooperation serves as a foundation for strengthening its political image and expanding its influence.

Ключевые слова: мягкая сила, Китай, Центральная Азия, инициатива «Один пояс - один путь» (BRI), экономическая дипломатия, Добрососедство и дружба, Цифровой Шелковый путь, инфраструктурные инвестиции, стратегическая конкуренция.

Keywords: soft power, China, Central Asia, Belt and Road Initiative (BRI), economic diplomacy, Good-neighborliness and friendship, Digital Silk Road, infrastructure investment, strategic competition.

Введение. Стратегическая значимость Центральной Азии в системе международных отношений XXI века обуславливается её ключевым положением на стыке интересов крупнейших мировых держав. Для Китайской Народной Республики регион представляет собой не только критически важный транзитный коридор и источник энергетических ресурсов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (BRI), но и полигон для апробации уникальной модели внешнеполитического взаимодействия. Данная модель, формализованная в концепции «добрососедства и дружбы» (睦邻友好 – mùlín yǒuhǎo), представляет собой синтез традиционных китайских внешнеполитических принципов, восходящих к доктрине «гармонии» (和), и современных прагматичных экономических инструментов.

В отличие от классической западной трактовки «мягкой силы» (soft power) Джозефа Наея, акцентирующей привлекательность ценностей и культуры, китайский подход делает стратегическую ставку на экономическую дипломатию. Инфраструктурные проекты, льготное кредитование и инвестиции в цифровизацию выступают не только драйверами регионального развития, но и ключевыми инструментами формирования позитивного имиджа КНР и укрепления её долгосрочного влияния. Однако эффективность этой стратегии не является универсальной и сталкивается с дифференцированным восприятием со стороны центральноазиатских государств, каждое из которых обладает уникальным набором экономических интересов, внешнеполитических приоритетов и исторических обязательств, а также с активной конкуренцией со стороны России, Турции и западных акторов.

Концептуальные основы китайской «мягкой силы». Концепция «мягкой силы» (soft power) впервые была введена в оборот американским политологом Джозефом Наем в конце 1980-х годов. Согласно Наю, в отличие от «жесткой силы» (hard power), основанной на военной мощи и экономическом принуждении, мягкая сила предполагает способность государства добиваться желаемых результатов через «привлекательность», используя культуру, ценности, модели развития и внешнеполитические практики, которые формируют позитивный образ страны в глазах других участников международных отношений.

В китайской академической и политической мысли концепция «мягкой силы» была воспринята не напрямую, а через призму собственных традиций дипломатии и культурной философии. Центральное место в китайской внешнеполитической риторике занимают 和平发展 (héping fāzhǎn — мирное развитие) и 互利共赢 (hùlì gòngyíng — взаимная выгода и общий выигрыш). Но для КНР «мягкая сила» — это не только культура, но и экономическая дипломатия: предложение выгодных условий сотрудничества, кредитов, инвестиций, инфраструктурных проектов.

Центральная Азия, в свою очередь, занимает стратегическое положение на пересечении интересов нескольких крупных держав и региональных игроков, таких как Россия, Китай, Турция, США и ЕС. Для России это сфера влияния, основанная на культурных и экономических связях, а также институционализированная через ЕАЭС и ОДКБ. Для Китая регион представляет собой важнейший элемент инициативы «Один пояс – один путь» (BRI), обеспечивая транзитные коридоры в Европу и доступ к энергетическим ресурсам [1]. США и ЕС рассматривают регион как поле стратегического соперничества, поддерживая энергетические проекты и демократические реформы. Турция усиливает свое культурное и лингвистическое влияние через идеи пантюркизма, что конкурирует с китайскими гуманитарными инициативами [2].

Китайская дипломатическая традиция опирается так же на концепцию 睦邻友好 (mùlín yǒuhǎo – добрососедство и дружба), закрепленную в договорах сотрудничества со странами Центральной Азии. Так, министр иностранных дел Ван И в своем выступлении в 2025 году подчеркивал необходимость «睦邻友好—合作共赢» (продвигать дух Китай-ЦА и стремиться к вечному добрососедству и дружбе) [3]. В Центральной Азии экономическая дипломатия проявляется в строительстве инфраструктурных объектов (например, Туркменистан-Китай), нефте- и железнодорожных маршрутов, а также цифровых инициативах в рамках проекта «Digital Silk Road», которые охватывают развитие сетей 5G, облачных технологий и «умных городов» [4].

Само понятие睦邻友好(mùlín yǒuhǎo – добрососедство и дружба) уходит корнями в традицию китайской дипломатии, где важное место занимают такие понятия как «гармония» (和) и «согласие» (同). Еще с периода Чжоу в китайской мысли закрепился принцип «协和万邦» (гармония в многообразии), который позднее был адаптирован в политическом дискурсе КНР. Современная интерпретация соединяет традиционные представления с внешнеполитическими формулами Пекина: «真诚» (искренность, взаимовыгода, инклюзивность) и «合作共赢» (win-win cooperation) [5].

Но как же формировалась данная инициатива со странами Центральной Азии? После 1991 года Пекин оказался перед необходимостью выстраивания отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии. Первые шаги были связаны с урегулированием приграничных вопросов и подписанием договоров о дружбе и добрососедстве. В 2000-е годы важнейшим инструментом стала ШОС, которая институционализировала принципы добрососедства. Постепенно эти идеи трансформировались в более широкие механизмы, включая инициативу «Один пояс – один путь», а в 2020-е – «Китай + Центральная Азия» (China – Central Asia + 5) [6]. Официальная концептуализация получила оформление на саммитах КНР – ЦА. Так, по итогам Второго саммита Китай–Центральная Азия (Сиань, 2025) стороны приняли «行动计划» (перечень результатов), где ключевыми пунктами названы энергетика, транспорт, цифровая инфраструктура и гуманитарные обмены. Инициатива «行动计划» тесно связана с доктриной «Сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体), предложенной Си Цзиньпином как глобальный стратегический нарратив КНР. В Центральной Азии эта концепция приобретает региональный характер: речь идёт о формировании «Сообщества Китай–ЦА», в котором подчеркивается общая судьба и взаимная поддержка. «Сообщество единой судьбы» служит идейным зонтиком для всех форматов китайской дипломатии, а «行动计划» является его практическим воплощением на региональном уровне [7]. Доктрина «win-win cooperation» и «добрососедства» используется как альтернатива западным концептам soft power, где привлекательность строится через культурные ценности и демократические нормы.

Экономические и гуманитарные инструменты реализации стратегии. Экономическое измерение китайской инициативы «行动计划» (mùlín yǒuhǎo) проявляется прежде всего через инфраструктурные проекты, энергетические каналы, цифровые технологии и финансовую поддержку. Транспортные коридоры, железные дороги и сухие порты создают логистическую связанность между Китаем, Центральной Азией и Европой, особенно в рамках проектов CAREC и BRI. Особое значение имеет железная дорога Китай–Киргизия–Узбекистан, которая позволяет ускорить транзит грузов и интегрировать региональные рынки с китайским экспортом и импортом. По мнению исследователей, такие проекты служат не только экономическим интересам, но и укрепляют образ Китая как «надежного партнера».

В энергетической сфере ключевыми являются газопроводы Туркменистан–Китай и поставки нефти из Казахстана. Эти проекты обеспечивают Китаю стабильный доступ к ресурсам и одновременно способствуют энергетической безопасности стран Центральной Азии. Считается, что энергетическая инфраструктура одновременно выступает инструментом экономической дипломатии и элементом мягкой силы, укрепляя долгосрочные партнёрские связи.

Китай активно развивает цифровую кооперацию в регионе через инициативу Digital Silk Road, включая проекты Huawei, внедрение 5G, электронное правительство и финтех-сервисы. Цифровизация позволяет не только модернизировать инфраструктуру и улучшить деловой климат, но и продвигать имидж Китая как технологически продвинутого партнера. Финансовая поддержка осуществляется через льготные кредиты, гранты и прямые инвестиции, что создаёт экономические стимулы для стран Центральной Азии и формирует устойчивую зависимость от китайских ресурсов. Эти проекты одновременно выполняют практическую экономическую функцию и способствуют формированию позитивного имиджа Китая, что делает их инструментом мягкой силы. В совокупности они демонстрируют стратегию Китая, где экономическое присутствие становится базой для политического и культурного влияния в Центральной Азии.

Образ Китая в Центральной Азии формируется через сочетание экономических, культурных и образовательных инициатив, что является частью стратегии мягкой силы. КНР активно

использует культурные и образовательные программы для создания позитивного имиджа. Китай представлен как экономически мощный, но мирный партнёр, способный способствовать стабильности и развитию региона. Ключевым инструментом являются Институты Конфуция и стипендиальные программы для студентов из стран Центральной Азии [8]. Эти инициативы способствуют изучению китайского языка, культуры и ценностей, а также формируют долгосрочные профессиональные связи. Медиа-инициативы, включая китайские новостные агентства и образовательные платформы, усиливают представление Китая как прогрессивной и ответственной державы.

КНР активно внедряет гуманитарные программы: медицинские миссии по распространению традиционной китайской медицины, культурные обмены и спортивные мероприятия. Эти проекты создают позитивное восприятие Китая среди населения стран региона и способствуют укреплению межкультурных связей.

Мягкая сила Китая в регионе сталкивается с конкуренцией со стороны России, которая сохраняет культурное и медийное влияние, а также Турции, продвигающей цивилизационный и языковой подход. Исследования показывают, что Китай наращивает присутствие в образовательных, цифровых и культурных проектах, чтобы уравновесить влияние традиционных игроков.

Несмотря на активное продвижение, существует риск негативного восприятия Китая как доминирующей силы, что проявляется в тенденции к «китаефобии» [9], обеспокоенности чрезмерной экономической зависимостью, миграционными и социальными последствиями проектов BRI и Digital Silk Road.

Инициатива Китая «睦邻友好» (mùlín yǒuhào — добрососедство и дружба) воспринимается странами Центральной Азии по-разному в зависимости от их экономической зависимости, внешнеполитических приоритетов и исторических связей. Анализ восприятия показывает, как экономическая дипломатия и элементы мягкой силы переплетаются на уровне конкретных государств и региональных организаций.

Казахстан демонстрирует прагматичный подход к китайской инициативе. Страна активно привлекает инвестиции Китая в транспортную инфраструктуру, энергетику и цифровые проекты, одновременно стремясь сохранить баланс с Западом и Россией. Казахстан осторожно относится к политическим аспектам инициативы, пытаясь минимизировать риски чрезмерной зависимости от Пекина. Туркменистан, в свою очередь, остаётся преимущественно газовым партнёром Китая. Его политика характеризуется ограниченной открытостью, консервативным подходом к инвестициям и осторожностью в политическом взаимодействии. Экономические связи с КНР в основном ограничены энергетическим сектором. Нельзя не отметить, что Узбекистан проявляет заинтересованность в инвестициях и инфраструктурных проектах Китая, особенно в рамках BRI и Digital Silk Road. Однако Ташкент тщательно контролирует суверенитет и влияние внешних акторов, устанавливая национальные правила для участия иностранных компаний [9]. Кыргызстан и Таджикистан обладают высокой зависимостью от китайских кредитов и инвестиций, что делает их чувствительными к социальным и экономическим рискам. КНР реализует здесь как инфраструктурные проекты (дороги, гидроэнергетика), так и образовательные и культурные инициативы, что одновременно усиливает мягкую силу и создаёт экономические обязательства.

Региональные организации, такие как ШОС и ЕАЭС, оказывают влияние на стратегию Китая в Центральной Азии. Китай активно взаимодействует с ШОС, продвигая проекты BRI и Digital Silk Road, что позволяет укреплять экономическую кооперацию и мягкую силу через многосторонние форматы. ЕАЭС выступает скорее сдерживающим фактором, что заставляет Китай выстраивать гибкую стратегию в регионе.

Эффективность стратегии. Восприятие инициативы «睦邻友好» в странах Центральной Азии варьируется от прагматизма и внимательного контроля до зависимой кооперации и ограниченной открытости. Китай эффективно сочетает экономическую дипломатию с инструментами мягкой силы, учитывая специфику каждого государства и региональные институциональные ограничения.

Инициатива «Один пояс, один путь» демонстрирует явное взаимопереплетение экономических и политико-культурных аспектов. С одной стороны, Китай активно инвестирует в транспортную и энергетическую инфраструктуру региона: железные дороги, газопроводы, логистические хабы и цифровые сети. Эти проекты стимулируют экономический рост стран-партнёров и повышают интеграцию региона в глобальные цепочки поставок. С другой стороны, экономические инициативы выполняют функцию формирования позитивного имиджа Китая, укрепляя восприятие КНР как надежного и стратегически выгодного партнера. В этом контексте инвестиции, кредиты и цифровые проекты являются инструментом мягкой силы, который одновременно продвигает культурные и дипломатические цели.

Заключение. Китай чаще использует модель «экономика прежде, политика потом», когда материальные проекты создают основу доверия и политической лояльности. Примеры включают энергетические контракты с Казахстаном и Туркменистаном и цифровые инициативы в рамках Digital Silk Road. Такая модель позволяет Пекину постепенно укреплять влияние, не вызывая прямого сопротивления со стороны местных элит или внешних игроков.

В условиях новой геополитической конкуренции, вызванной ослаблением влияния России, усилением Турции и активностью западных держав в регионе, инициатива «Один пояс, один путь» демонстрирует гибкость стратегии Китая. Китай одновременно укрепляет экономическое присутствие, формирует позитивный имидж и минимизирует риски конфронтации с другими крупными игроками. Инициатива является гибридной стратегией: она одновременно представляет собой экономическую кооперацию и инструмент мягкой силы. Экономические проекты служат платформой для укрепления имиджа Китая и расширения его влияния в регионе, что делает инициативу примером синергетического сочетания экономики и soft power.

Список литературы:

1. Центральная Азия: новое поле глобального противостояния? [Электронный ресурс] // Vaku Network. — 2024. — URL: <https://www.bakunetwork.org/ru/news/analytics/13186> (дата обращения: 15.08.2025).
2. Бабаян Д. Пантюркизм и геополитика Китая [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. — 2012. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pantyrkizm-i-geopolitika-kitaya> (дата обращения: 15.08.2025).
3. 中国—中亚命运共同体——构建人类命运共同体的重要实践平台——习近平 [Электронный ресурс] // 新华网. — 19.06.2025. — URL: https://cq.gov.cn/ywtdt/zyyw/202506/t20250619_14725162.html (дата обращения: 15.08.2025).
4. Nimatullaev, Kh. T. U., Mavlanov, I. R. The role of China's Digital Silk Road in shaping the digital future of Central Asian economies [Электронный ресурс] // Web of Discoveries: Journal of Analysis and Inventions. — 2025. — Vol. 3, № 6. — 11.06.2025. — URL: <https://webofjournals.com/index.php/3/article/view/4576> (дата обращения: 15.08.2025).
5. 中国—中亚命运共同体 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — 24.10.2023. — URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzbzd/202310/t20231024_11167356.shtml (дата обращения: 15.08.2025).
6. Лексютина, Я. В. Chinese Policy in Central Asia in the Estimation of Chinese Experts [Электронный ресурс] / Я. В. Лексютина // Russia in Global Affairs. — 2024. — № 2. — URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/chinese-policy-in-central-asia/> (дата обращения: 15.08.2025).
7. Wang, J. Building a Community of Common Destiny between China and the Neighboring Countries: Concept, Connotation and Approach [Электронный ресурс] / Junsheng Wang // Series on China's Belt and Road Initiative: China's Belt and Road Initiative and Building the Community of Common Destiny. — 2019. — С. 57-79. — URL: https://www.worldscientific.com/doi/abs/10.1142/9789813278721_0005 (дата обращения: 15.08.2025).

15.08.2025).

8. Рыскулбекова, А. Образовательные проекты Китая как инструмент мягкой силы в Казахстане [Электронный ресурс] / А. Рыскулбекова // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. — 22.06.2023. — URL: <https://cabar.asia/ru/obrazovatelnye-proekty-kitaya-kak-instrument-myagkoj-sily-v-kazahstane> (дата обращения: 15.08.2025).

9. Хао, Ван. Китайская инициатива «Один пояс — один путь» в Центральной Азии: проблемы и препятствия реализации [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. — 2022. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-initsiativa-odin-poyas-odin-put-v-tsentralnoy-azii-problemy-i-prepyatstviya-realizatsii> (дата обращения: 15.08.2025).